

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

С. С. Войтиков

«Святая святых»: из истории становления и эволюции Устава (Манифеста, Организационного устава) РСДП/РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) (1898 — 1920-е годы)

Войтиков Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук, главный специалист, Центр публикации архивного фонда Центрального государственного архива города Москвы (Москва, Россия)

История большевистской партии явилась объектом для многих исследований, среди которых наиболее значимыми представляются труды И. И. Минца, Л. Шапиро, Г. А. Трукана по истории большевистской революции¹; Е. Г. Гимпельсона и Б. В. Павлова о создании и становлении советской политической системы²; Т. Г. Леонтьевой и В. П. Булдакова о массовом сознании в 1914–1930 гг.³; С. А. Павлюченкова, Э. Карра и А. Рабиновича по истории большевистской власти в годы Гражданской войны⁴; А. Л. Литвина, В. Д. Тополянского и Ю. Г. Фельштинского о конфликтах внутри большевистской верхушки в 1918 — начале 1919 г.⁵; А. Ф. Киселева и В. И. Носача о Профсоюзной дискуссии⁶; В. А. Сахарова, Г. Л. Олеха, С. В. Цакунова и О. Г. Назарова о борьбе за власть в большевистской партии в 1920-е гг.⁷ Однако остается один сюжет, который активно разрабатывался в советской историографии (труды Д. Кардашева, Е. Колокольцева, М. Б. Павлова, Л. А. Слепова, Л. Б. Тандита, Б. Н. Пономарева, В. Ратнера, С. М. Абалина, А. Г. Оганесяна, В. С. Ярового, Е. И. Бугаева и Б. М. Лейбзона, В. Д. Пацула, А. С. Фаворского, М. Д. Стучебникова, А. Г. Исмагилова, О. Г. Обичкина и других исследователей⁸), но практически отсутствует в постсоветской, — это история партийного Устава, притом что без понимания основных направлений эволюции Устава невозможно полноценное

изучение истории Партии. Отчасти восполнить этот историографический пробел и призвана настоящая статья.

В большевистской партии, ленинской «партии нового типа», изначально сложилось положение, при котором Устав был едва ли не важнее Программы. Не зря много позднее, в 1924 г., Г. Е. Зиновьев констатировал: «Мы, большевики, привыкли исходить прежде всего из партийной организации»⁹.

На I съезде Российской социал-демократической партии 1898 г. Устав утвержден не был, собравшиеся решили «все вопросы, какие разбирались на съезде... поместить в “Манифесте партии” в форме постановлений съезда»¹⁰. По сути, утвержденный после завершения работы съезда двумя цекистами Манифест РСДРП и представлял собой первый партийный Устав, поскольку именно в нем были зафиксированы основные положения об организации партии¹¹. В советской историографии на Манифест РСДРП как первый вариант Устава целенаправленно не обращалось внимания. Крупный советский авторитет в области истории уставов Партии и ее местных организаций¹² О. Г. Обичкин прямо начал первую главу последней из своих монографий с формально справедливого, но фактически не вполне точного заявления: «Устав нашей партии впервые был составлен В. И. Лениным»¹³.

Первая редакция собственно Организационного устава была утверждена на II съезде РСДРП 1903 г. Как заметил в 1924 г. один из лидеров РКП(б) Л. Б. Каменев, «демократия внутри нашей партии есть известные права, принадлежащие членам партии и партийным организациям, записанные в Уставе»¹⁴. Однако главным в Уставе были не права, а обязанности. По меткому выражению российского социал-демократа Г. И. Крамольникова 1905 г., «подчинение воле партии — дух ленинского Устава»¹⁵.

В 1925 г. Г. Е. Зиновьев и вовсе признал: вопрос, что такое большевистская партия, «в 1903 г. решался отношением к первому параграфу Устава»¹⁶. Собственно, термин «ленинизм» впервые «ввели в научный оборот» политические оппоненты В. И. Ленина по единой РСДРП, а подлинный раскол российской социал-демократии на II съезде 1903 г. заключался, естественно, не в механическом «большинстве» и «меньшинстве» редакции «Искра», а в вариантах формулировки первого параграфа Устава, за разногласиями по вопросу о котором стояли принципиально разные взгляды признанных вождей российской социал-демократии не только на организационное строение партии, но и на тактику прохождения «дороги к коммуне», намеченной основателями марксизма. Дискуссия развернулась и на пленарных заседаниях, и в уставной комиссии¹⁷. Будущий вождь мировой революции при поддержке «отца русского марксизма» Г. В. Плеханова, расценивавшего ленинский проект как «оплот против» вторжения в партию «оппортунистов»¹⁸, настаивал, в пик будущего идеологу меньшевиков Ю. О. Мартову, на ужесточении членства в партии.

В. И. Ленин и Г. В. Плеханов, исходившие из положения К. Маркса о том, что «нет прав без обязанностей, обязанностей без прав»¹⁹, стояли на следующем: член партии обязан не только признавать ее Программу и Устав, но и выплачивать членские взносы и работать в одной из партийных организаций; Ю. О. Мартов выступал за ограничение двумя первыми требованиями. Мотив В. И. Ленина и Г. В. Плеханова: сделать первый параграф Устава «удавной петлей для тех политически развратных

и политически развращающих субъектов “интеллигентной” среды, которые называют себя социал-демократами, группируют молодежь и предают ее Петрам Струве»²⁰. В. И. Ленина тут же обвинили в том, что он вводит «осадное положение в партии»²¹. По убеждению Ю. О. Мартова, «жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»²².

Как это было распространено в партии, разногласия на первый взгляд не могли быть признаны серьезными. Даже защищая первый параграф своего проекта, В. И. Ленин пытался заверить товарищей-делегатов, что его-де совсем неправильно поняли: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *löse Organisationen*» (правда, будущий вождь большевиков тут же проговорился о том, что «необходимый признак партийной организации — утверждение ее Центральным комитетом»²³). По меткому замечанию одного из будущих вождей меньшевизма А. С. Мартынова, делегатам довелось наблюдать «странную картину»²⁴: «Товарищи, защищающие резолюцию Мартова, которая расширяет рамки нашей партии, ссылаются в своей аргументации на брошюру Ленина “Что делать?”. Они утверждают основательно, что по смыслу этой брошюры наши организации должны состоять только из профессиональных революционеров. При этом же условии, говорят они, вся партия не уместится в рамках организации. Автор же брошюры “Что делать?” (Ленин. — С. В.), который хочет своей резолюцией сузить пределы партии, признавши на днях, что он перегибал лук, теперь уверяет нас, что он не так узко понимает организацию, что, дескать, по смыслу его брошюры, в партии, наряду с организацией профессиональных революционеров, будут иметь место и *löse Organisationen*. А в таком случае не страшно, дескать, сузить партию до пределов ее организации. Очевидно, что нам не трудно было бы столкнуться насчет границ партии, если бы мы недвусмысленно решили вопрос, какого типа организации мы хотим иметь в этой партии. На этот же счет у нас обнаружилось удивительное смешение понятий»²⁵.

Признавая, что разногласия по первому параграфу не определяли «жизнь или смерть партии», и «без иронии» изъявляя на словах готовность принять предложение одного из отцов-основателей российской социал-демократии, будущего меньшевистского вождя П. Б. Аксельрода, «сторговаться» по первому пункту, В. И. Ленин все же наотрез отказался признать ошибочность своего «твердого убеждения в том, что формулировка Мартова есть *ухудшение* первоначального проекта... которое *может* принести партии, при известных условиях, немало вреда»²⁶. По его мнению, «лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии... чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»²⁷.

Как указал в признанном в годы «культы личности» апокрифом очерке «Истории РКП(б)» старый большевик В. И. Невский, на первый взгляд «как будто нет никакой разницы между той и другой формулировкой, но из прений на съезде ярко обнаружилось то различное понимание задач партии в организационном вопросе, как их ставили себе Ленин и Плеханов, с одной стороны, и Мартов и Аксельрод — с другой стороны. Ленин и Плеханов мыслили партию как боевую революционную

организацию пролетариата, которая руководит рабочим классом. С этой точки зрения в партию мыслимо включение только сознательных, преданных людей, могущих в каждый данный момент, в каком бы трудном положении ни оказалась партия, с честью представить партию, говорить от ее имени и вести по непримиримому, не допускающему никаких сделок с буржуазией против интересов пролетариата, пути [т. е. предусматривались меры против оппортунизма. — С. В.]. Таким членом партии мог быть только тот, кто, как выразился [П. А.] Красиков, платонически разделяет ее Программу, но кто личным участием в организации, на виду у таких же, как он сам, испытанных революционеров, доказал на деле верность принципам соц[иал]-демократии. Это означало более узкий состав партии, хотя при очень широком базисе рабочих организаций — легальных и нелегальных — профессиональных, культурно-просветительных, löse-организаций и т. п. Это, стало быть, означало, что партия есть прежде всего организация профессионалов-революционеров и высоко сознательных революционных рабочих. По мысли Мартова, доступ в партию должен быть самым широким, причем сторонники Мартова, с одной стороны, как Аксельрод, допускали свободное вступление в партию всех даже либеральных элементов, коль скоро они на словах выразили солидарность с Программой партии, а с другой, как Троцкий [занимал свою, особую позицию. — С. В.], полагали, что членом партии мог объявить себя всякий рабочий-стачечник. С такой точки зрения, конечно, личного участия в организации не требовалось»²⁸. В. И. Невский видел в формулировке Ю. О. Мартова точку слияния двух течений «русской буржуазно-революционной мысли: одно старое, привнесенное Аксельродом еще из тех времен, когда он был анархистом-бунтарем, то самое течение, которое так ярко обнаружилось в первых социал-демократических работах Аксельрода, когда он... хотел объединить все революционные кружки в одну партию и когда он призывал всех честных людей примкнуть к такой рабочей партии, другое, новое, “экономическое”, пытающееся растворить боевую социалистическую рабочую партию в стихийном рабочем движении, превратить ее в партию тред-юнионистской политики. Так старая аксельродовская, еще народническая концепция, причудливо сочетаясь с новой... концепцией экономистов, выявила то, что разделение на съезде было не только организационное, но и глубоко принципиальное»²⁹.

Как известно, в целом был утвержден проект Устава, разработанный В. И. Лениным³⁰, но первый параграф Устава в 1903 г. был все же утвержден в мартовской (меньшевистской) редакции: по высокоавторитетному разъяснению советских археографов, «от искровцев откололось меньшинство — неустойчивые искровцы во главе с Мартовым. Объединившись с “болотом” и антиискровцами, сторонники Мартова получили перевес над твердыми искровцами»³¹. При этом ошибочность решения II съезда в ключевом уставном вопросе констатировали как не признанный меньшевиками III съезд РСДРП 1905 г., так и настоящие, Объединительный и Лондонский, съезды РСДРП 1906 и 1907 гг.

На III съезде РСДРП 1905 г. (большевистском) В. И. Ленин без труда провел свою формулировку первого параграфа³². Защищая ее перед лояльным партийным форумом, докладчик по организационному вопросу, один из признанных лидеров того времени А. А. Богданов указал конкретные «преимущества ленинского § 1 над мартовским: а) определенность рамок партийной организации, невозможность

самозачисления в партию, сужение сферы проявления анархических и индивидуалистических тенденций»³³; «б) возможность подготовить переход партии к организации, основанной на выборном начале», поскольку «без строгого определения организационных рамок партии проведение выборного начала невозможно»³⁴. Как утверждали советские историки и археографы, «ленинская формулировка первого параграфа устава партии, принятая съездом, имела огромное значение в дальнейшей борьбе за организационное укрепление партии нового типа»³⁵.

На состоявшемся в Стокгольме Объединительном съезде РСДРП 1906 г., как мы указали, меньшевики уже не возражали против ленинской формулировки первого параграфа Устава: советские археографы утверждали, что меньшевики «побоялись оттолкнуть от себя рабочих» и, как следствие, «остаться без масс»³⁶. Но это было не самое главное: в Устав, на что делала упор советская историография, был включен принцип демократического централизма³⁷, который, по сделанному от имени уставной комиссии съезда докладу видного партийца В. Н. Крохмалю, был также признан обеими сторонами³⁸. На основании указанного принципа меньшинство после проигрыша в голосовании на партийных форумах обязывалось подчиниться большинству, однако первоначально за меньшинством сохранялась возможность обсуждать наболевшие вопросы внутри РСДРП без риска прослыть «еретиками» и «нарушителями спокойствия».

Один из видных большевиков признал на Лондонском съезде РСДРП 1907 г. «азбучной истиной» то положение, что «все интересные политические вопросы необходимо обсуждать в партии, и внутри партии никто не может запретить обсуждения вопроса»³⁹. Впрочем, тогда принцип демократического централизма понимался в РСДРП по-разному. Кто-то, как меньшевик Г. И. Хундадзе, искренне считал, что «демократический централизм» означает «на православном языке» не что иное, как «свободу всякой партийной организации в области внутреннего распорядка, конституирования своей внутренней жизни»⁴⁰, т. е. в переводе с «православного языка» Хундадзе на современный русский, свободу от всяких обязательств. Однако для В. И. Ленина и его фракции, несмотря на то что большевики впоследствии признали Объединительный съезд крупной политической ошибкой, пункт Устава о принципе демократического централизма был крайне важен, а затем стал в самостоятельной большевистской/коммунистической партии одним из ключевых⁴¹.

Вовсе не случайно в 1920 г. В. И. Ленин поделился собственной трактовкой «демократического централизма», который вроде бы определял режим в большевистской партии. По высокоавторитетному разъяснению вождя большевиков, «демократический централизм заключается в том, что съезд проверяет ЦК, смещает его и назначает новый»⁴². Иного содержания у принципа демократического централизма и иных прав у съезда как верховного органа РКП(б), по убеждению вождя, сложившемуся на этапе завершения Гражданской войны, более не было.

На новом («правящем») этапе истории партии, в 1921 г., принцип демократического централизма был развит в резолюции «О единстве...» Десятого съезда РКП(б), прописавшей порядок наказания смутьянов, которые отказывались прекратить фракционную борьбу после большевистских форумов⁴³.

В годы утверждения сталинской диктатуры проигравшие политическую борьбу на съездах и конференциях уже были обязаны не только исполнять волю

большинства, но и публично отречься от своих взглядов, что, по убеждению тех, кто входил в руководящее партийное ядро до Октября 1917 г., было «не по-большевицки»⁴⁴. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин разъяснил в 1927 г. товарищам по партии: «Если под демократией понимают свободу для пары-другой оторванных от революции интеллигентов болтать без конца, иметь свой печатный орган и т. д., то такой “демократии” нам не нужно, ибо она есть демократия для ничтожного меньшинства, ломающего волю громадного большинства»⁴⁵.

Не случайно, как писали советские историки, развитие «внутрипартийной демократии» было «предметом постоянного и неослабного внимания Центрального комитета»⁴⁶. В эпоху сталинской индустриализации, по итогам окончательного удушения изначально эфемерной внутрипартийной демократии и «сращивания» партийных органов с государственным аппаратом, принцип демократического централизма был перенесен в искаженном до неузнаваемости виде в советско-хозяйственный механизм и стал пониматься как некое сочетание «строгого соблюдения общегосударственного плана развития экономики [СССР] и общенародных интересов со всемерным расширением самостоятельности и творческой активности на местах»⁴⁷. В редакции Устава ВКП(б) 1934 г. содержалось ценное разъяснение/указание по вопросу «О внутрипартийной демократии и партийной дисциплине», при чтении которого следует твердо помнить, что самое важное всегда содержится после слова «но»: «Свободное и деловое обсуждение вопросов партийной политики в отдельных организациях или в партии в целом является неотъемлемым правом каждого члена партии, вытекающим из внутрипартийной демократии. Только на основе внутрипартийной демократии может быть развернута большевицкая самокритика и укреплена партийная дисциплина, которая должна быть сознательной, а не механической. Но широкая дискуссия, особенно дискуссия всесоюзного масштаба по вопросам партийной политики, должна быть организована так, чтобы она не могла привести к попыткам незначительного меньшинства (где критерий «значительности»? — С. В.) навязать свою волю громадному большинству партии и к попыткам образования фракционных группировок, ломающих единство партии, к попыткам раскола, могущим поколебать силу и стойкость диктатуры пролетариата на радость врагам рабочего класса. Поэтому широкая дискуссия всесоюзного масштаба может быть признана необходимой только в том случае, если: а) эта необходимость признается по крайней мере несколькими местными парторганизациями областного или республиканского масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого (какая четкая формулировка! — С. В.) большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии. Только при исполнении этих условий можно гарантировать партию от злоупотреблений внутрипартийной демократией со стороны антипартийных элементов, только при этих условиях можно рассчитывать на то, что внутрипартийная демократия пойдет на пользу делу и не будет использована во вред партии и рабочему классу»⁴⁸. Злоупотреблений более не было, как и пустых дискуссий, отвлекавших И. В. Сталина и его преемников от управления партией, государством и мировым коммунистическим движением.

Парадоксален тот факт, что большевики, которые, когда меньшевики им что-либо пытались запретить, неизменно просили ссылку на соответствующий пункт Устава, начали историю своей собственной партии с деяния, никак Уставом не предусмотренного. В рамках подготовки Пражской конференции РСДРП 1912 г. В. И. Ленин поддержал следующее предложение главного организатора конференции Г. К. Орджоникидзе, направленное 29 августа 1911 г. последним из российского подполья меньшевистской Заграничной организационной комиссии (Организационной комиссии по созыву общепартийной конференции): «Для того, чтобы конференция была авторитетной для всех местных организаций, всеми (тут явно не хватает слова «нами». — С. В.) признается необходимость создания Российской организационной комиссии, которая и займется созывом конференции»⁴⁹. Вопреки возражениям, если по П. Б. Аксельроду, «товарищей противников»⁵⁰ большевиков в рамках единой РСДРП, уже через месяц, 29 сентября, в Баку состоялось собрание партийных организаций Баку, Тифлиса, Екатеринбурга, Киева, Екатеринослава (по разъяснению Г. К. Орджоникидзе, «представители Петербурга и Москвы не [с]могли явиться по независящим от них обстоятельствам»⁵¹). Собрание решило конституироваться в Российскую организационную комиссию с говорящей аббревиатурой «РОК», фактически взяв на себя руководство всей текущей работой партии и доведшей до конца дело подготовки и созыва «общепартийной конференции»⁵². Дело даже не в том, что на такой шаг РОК не имела никакого права, а в том, что в специальном решении совещания «Об отношении к Заграничной организационной комиссии» подчеркивалось, что Заграничная организационная комиссия и Техническая комиссия не должны впредь без ведома и согласия РОК допускать какие-либо литературные и иные выступления, а равно расходовать партийные средства⁵³. РОК при этом не могла сослаться ни на один из пунктов Устава РСДРП, потому как ни в одном из них не было ни слова о возможности запрета на какие-либо публичные выступления *накануне* партийных форумов.

Пражская конференция РСДРП, которая открылась 5 (18) января 1912 г., первым же пунктом повестки дня заслушала отчет Российской организационной комиссии и приняла следующее решение: «Конференция конституируется как общепартийная конференция РСДРП, являющаяся *верховным органом партии* (курсив наш. — С. В.)»⁵⁴. По Уставу РСДРП верховным органом партии признавался съезд. Большевики, окончательно решившиеся на разрыв с «согласателями», а вернее — на действия под старой вывеской, но в рамках собственной партии, восстановили принцип кооптации в Центральный комитет⁵⁵. Избрать ЦК как орган высший мог только съезд как орган верховный, а после оформления разрыва с товарищами по единой социал-демократии большевистской фракции (теперь уже партии) требовался свой собственный Центральный комитет, который и был избран на «общепартийной конференции», а потом дополнен: кооптацией И. В. Сталина, Я. М. Свердлова и, что менее известно, других товарищей, в том числе будущего председателя Русского бюро ЦК РСДРП (большевистского руководителя партии на территории Российской империи) А. Г. Шляпникова⁵⁶. Менее известно потому, что протоколы заседаний большевистского ЦК за этот период практически не сохранились и основной источник о пополнениях высшего партийного органа — чрезвычайно ненадежные воспоминания, а также документы царской охранки.

С дебатов вокруг первой редакции Устава на II съезде РСДРП 1903 г. началась история большевистской фракции, с вопиющего нарушения Устава Пражской конференцией РСДРП 1912 г. — история большевистской партии. Создается впечатление, что ген раскола был заложен в тело «ленинской» партии изначально.

Примечательно, что если Программу мог утвердить только Съезд, то Устав могла утвердить и партийная Конференция. Более того, известны случаи, когда новую редакцию Устава утвердил Пленум ЦК РСДРП⁵⁷, а корректировку ключевого первого параграфа Устава внесло Бюро ЦК РСДРП (например, 18 марта 1917 г.)⁵⁸. Таким образом, если для утверждения Программы все же требовался более-менее представительный партийный форум, то Устав вполне могла утвердить верхушка партии, что создавало возможности для произвольного изменения организационного строения партии ее руководящим ядром. Причем со временем сложилось положение, при котором конкретные параграфы Устава можно было изменить на съезде или конференции, принимая резолюцию по какому-либо конкретному организационному вопросу. Не стоит уточнять, что это умаляло значение Устава как главного организационного документа партии⁵⁹.

Первоначально возможность утверждения Устава верхушкой партии была связана с тем, что привлечение партийной массы к постановке целей и задач было обязательным условием, а к решению организационных вопросов — нет; было удобнее опереться на узкую группу наиболее видных деятелей РСДРП или, еще проще, цекистов как формальных руководителей партии. Очевидно, изначально заложенная возможность принятия Устава узким кругом видных партийцев стала со временем удобной традицией для вождей, все более далеких от партийных масс. Так, после выделения на Пражской конференции РСДРП 1912 г. большевистской фракции в самостоятельную партию наиболее серьезные уставные изменения, связанные с изъятием реальной власти у ЦК, проводились на Апрельской конференции РСДРП (большевиков) 1917 г.⁶⁰ и Восьмой конференции РКП(б) 1919 г., т. е. компактной группой видных деятелей партии. Исключением явился VI съезд РСДРП (большевиков) 1917 г., проходивший в отсутствие В. И. Ленина — основателя и признанного вождя большевиков, находившегося в его последнем подполье. Инициатива постановки вопроса о внесении изменений в Устав принадлежала крупнейшему партийному объединению — Московскому областному бюро РСДРП, охватывавшему парторганизации на территории 14 центральных губерний России. В конце 1917 г. Московское областное бюро, в рамках обсуждения вопроса о созыве партийного съезда, «приняло предложение своего узкого состава (! — С. В.) о желательности дополнения повестки дня пунктом “Устав партии и организационные вопросы”. Проект Устава РСДРП(б) был подготовлен членами Московского областного бюро А. С. Бубновым и В. Н. Яковлевой и с некоторыми изменениями одобрен II Московской областной конференцией, проходившей накануне VI съезда партии»⁶¹. На съезде, впрочем, проект Устава был подвергнут серьезному обсуждению — в организационной секции на пленарных заседаниях⁶². Разработка Устава представителями второго эшелона большевистской верхушки имела следствием учет новых общепартийных уставных положений в уставах местных организаций как свидетельство быстрого усвоения решений верховного органа партии по организационным вопросам⁶³.

Принятие новой редакции Устава (о внесении отдельных изменений — разговор отдельный) в самостоятельной большевистской партии представляло собой длительный процесс, который даже в годы Гражданской войны начинался с формирования специальной комиссии по решению если не конференции⁶⁴, то уж как минимум Оргбюро ЦК РКП(б)⁶⁵. Понимание этого факта важно для изучения истории внутрипартийной борьбы в 1918 — начале 1919 г. прежде всего для изучения конфликта Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого с В. И. Лениным и И. В. Сталиным⁶⁶.

Несмотря на то что партия менялась и Устав менялся вместе с нею, члены РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) крайне неохотно шли на внесение новшеств в главный организационный документ партии.

До захвата власти большевики прекрасно понимали: «внести в устав норму — это значит применить то или иное начало всюду», что могло привести «к печальным результатам» в реалиях «русской жизни»⁶⁷ (царского режима). В. И. Ленин, в частности, был убежден, что «писать хорошие параграфы легко, но на практике они большею частью оказываются лишними», а потому не следует «превращать Устав в собрание благих пожеланий»⁶⁸. Вождь большевиков считал целесообразным фиксировать в Уставе лишь «общие нормы», с тем чтобы при необходимости дополнять их резолюциями по конкретным вопросам. В. И. Ленин подчеркивал: обязательны и «тот, и другие»⁶⁹, т. е. и Устав, и дополняющие/уточняющие его резолюции.

В годы Гражданской войны большевики стали менее бережно относиться к главному организационному документу, что в определенной степени дискредитировало Устав как альфу и омегу партийной жизни. В рамках тотальной военизации партии и как следствие всеобщего зажима и без того крайне ограниченной «внутрипартийной демократии», ряд положений Устава был фактически отменен противоречившими ему резолюциями съездов и конференций⁷⁰. В частности, пункт Устава РКП(б) 1919 г. о том, что «областные комитеты избираются на областных конференциях»⁷¹, не был проведен в Сибири и ряде других регионов, что сначала было вполне оправданно. Старые большевики признавали: «Само собой разумеется, что мы не придерживаемся буквы Устава (курсив наш. — С. В.), что нам приходится... менять свою тактику иногда в течение 24 часов — сообразно тому, какое мы имеем соотношение реальных сил. Одно время для Сибири это было и необходимо, когда мы должны были иметь во что бы то ни стало представительство Центрального комитета... потому что было бы чрезвычайно непредусмотрительно ставить вопрос о Сибири в зависимость от воли только что вылезшей из подполья и [поредевшей] организации»⁷². Однако когда Советское государство уже вступило в период восстановления хозяйства, В. И. Ленин навязал X съезду РКП(б) 1921 г. резолюцию «О единстве партии», а в Сибири успели построить партийные и советские организации, выборы обкома по-прежнему не производились. Победа вождя в сотрясавшей правящую партию Профсоюзной дискуссии заставила представителей второго и третьего эшелона большевистской верхушки поставить вопрос ребром. Я. Шумяцкий прямо заявил на XI съезде РКП(б) 1922 г.: «На X съезде мы принимали положение, что у нас не должно быть никаких группировок. Это наша обязанность. Но ведь есть у нас и кое-какие права. Они точно сформулированы в нашем Уставе и в известных положениях X съезда.

Так как же, мы только будем руководствоваться нашими обязанностями, а насчет прав — это после?»⁷³ Отступления от буквы Устава были нормой, однако Устав сам по себе пока еще был священен.

Во избежание осложнений XI съезд РКП(б) 1922 г. даже отклонил предложение Ю. Ларина, направленное на организацию более демократических выборов делегатов на партийные форумы⁷⁴, и тем не менее в плане защиты прав меньшинства уставные нормы соблюдались даже тогда, когда они стали расцениваться руководящим большевистским ядром в качестве пустой, если не вредной, формальности, а именно в середине 1920-х годов⁷⁵. Поскольку Устав наделял партийную аристократию определенным набором прав (до голосования делегатов съезда за тот или иной проект резолюции), все вожди, оказываясь в меньшинстве, немедленно вспоминали «отчетливые рамки Устава»⁷⁶.

В первой половине 1920-х гг. Устав стал играть в партийной жизни все более и более скромную роль, в том числе вследствие постепенного расширения возможностей «ленинского» Центрального комитета по его изменению без согласования с представителями второго и третьего эшелона большевистской верхушки. Если до революционных событий 1917 г. утверждение Устава Пленумами ЦК (как в случае с Объединительным 1910 г. Пленумом) было все же исключением, то теперь произвольные изменения Устава высшим партийным руководством стали нормой — правда, формально Центральному комитету «делегировал» соответствующие полномочия съезд как верховный орган. Первый пробный шаг был сделан в 1922 г., когда Одиннадцатому съезду РКП(б) навязали следующее решение: «Ввиду изменения некоторых пунктов Устава постановлениями всероссийских съездов и конференций РКП предложить ЦК разработать вопрос о внесении этих изменений в Устав и провести окончательный текст через предварительное рассмотрение очередной всероссийской конференции РКП. *Утверждение Устава с заключением всероссийской конференции передать ЦК* (курсив наш. — С. В.)»⁷⁷.

Поскольку первый опыт оказался удачным, XIV съезд ВКП(б) 1925 г. предоставил новому составу Центрального комитета право на редактирование «деталей»⁷⁸ новой редакции Устава. Как Конституция РФ 1993 г. стала документом победившего в конфликте с Верховным Советом РСФСР первого Президента Российской Федерации, так же и новая редакция Устава ВКП(б), утверждение которой было предоставлено сталинско-бухаринскому ЦК, стала уставом победителей Новой оппозиции. 17 июня 1926 г. Политбюро обсудило голосование оппозиционного вождя Г. Е. Зиновьева *против* принятия выработанного комиссией ЦК под председательством сталинца С. В. Косиора проекта Устава. Большинство Политбюро формально приняло голосование Г. Е. Зиновьева «к сведению»⁷⁹, однако при этом попыталось представить голосование как «выступление против XIV съезда», что было утверждением не то что «неправильным»⁸⁰ (так заявил Зиновьев), а попросту абсурдным. Вынужденный защищаться, Г. Е. Зиновьев направил в Секретариат ЦК ВКП(б) «для членов Политбюро»⁸¹ записку с обвинениями И. В. Сталина в нарушении резолюции XII съезда РКП(б) 1923 г. и объяснением соображений, исходя из которых он голосовал против принятия проекта. Нас в данном случае интересуют не зиновьевские попытки перехода в контратаку на «критиков»⁸², а объяснение принципиальной позиции по поводу Устава, которое крайне важно для понимания

реального значения основного организационного документа правящей партии в середине 1920-х гг.

Г. Е. Зиновьев, подчеркивавший, что он голосовал *против* «внутри Политбюро» и «больше нигде»⁸³, исходил из того, что переработка Устава велась «на девятый год пролетарской революции, в обстановке, когда мы провозгласили оживление Советов, больше прав основной массе крестьянства (нечто новое для Зиновьева. — С. В.), рабочую демократию в профсоюзах, внутрипартийную демократию и т. д. При таком положении вещей, если уж пересматривать Устав, то следовало пересматривать его в сторону подлинного проведения внутрипартийной демократии, уменьшения “зажима” и т. д. — сохраняя при этом, разумеется, строго централистический характер нашей партии. Наступило время, когда можно и должно действительно провести до конца демократический централизм в нашей партии. Наступило время, когда против элементов бюрократического централизма должна быть объявлена и проведена решительная война. Именно такая тенденция должна лечь в основу пересмотра Устава»⁸⁴. Для сталинского большинства, да и для Зиновьева со товарищи во время разгрома Лево́й оппозиции во главе с формальным вождем Л. Д. Троцким, когда И. В. Сталин и Г. Е. Зиновьев выступали «единым фронтом», подобное заявление было бы неприемлемо. Однако с точки зрения отказа от милитаризации партии после окончания Гражданской войны и в период «стабилизации», который, кстати, лил воду на мельницу генсека, логика в исходных зиновьевских соображениях имела место.

Вместе с тем, как справедливо заметил Г. Е. Зиновьев, «пересмотр Устава производился отнюдь не в этом духе»⁸⁵. Добавим от себя — и на съезде, и в комиссии ЦК: «Громили [зараженную Новой оппозицией] Ленинградскую организацию, и этот разгром укладывали в “уставные” рамки. Некоторые поправки, внесенные в Устав»⁸⁶, при этом стали «простой записью, уставным “увековечением” тех методов расправы, которые были применены к Ленинградской организации»⁸⁷. Идеолог Новой оппозиции привел два конкретных примера:

1) в разд. IV «О центральных учреждениях партии» было «прибавлено, что ЦК “утверждает редакторов партийных органов крупных местных организаций”. Это и есть уставное увековечие того метода, посредством которого провели в начале 1926 г. разгром питерской печати. К чему теперь такая опека над губкомами в деле назначения ими редакций своих партийных органов? Разве, в самом деле, наш партийный режим страдает недостатком прав ЦК в отношении губкомов? Разве Секретариат ЦК и без того фактически не назначает секретарей губкомов? Такое уменьшение прав губкомов в отношении к редакциям их партийных органов, несомненно, идет вразрез с тем, что пропагандировал В. И. Ленин, когда он отстаивал право для каждой пролетарской партийной ячейки издавать партийную литературу — разумеется, в рамках решений партии»⁸⁸;

2) в гл. V «Об областных (краевых) организациях», как констатировал Зиновьев, «к п[ункту] 33 прибавлено примечание: “Президиумы или бюро краевых и равнозначных (?)»⁸⁹ им комитетов утверждаются ЦК ВКП(б)”. Раньше утверждались только секретари. Теперь будет утверждаться уже весь состав президиумов и бюро. Нужно ли это? В резолюции от 5 декабря 1923 г., принятой единогласно ЦК и ЦКК [и] утвержденной XII съездом нашей партии, говорилось: “Считая неизбежным

в условиях нэпа сохранение и впредь известных ограничений, вместе с тем необходимо на основании уже имеющегося опыта, особенно низовых организаций, проверить целесообразность некоторых из этих ограничений: напр[имер], право утверждения секретарей вышестоящими инстанциями. Во всяком случае, нельзя допускать превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение (подчеркнуто Зиновьевым. — С. В.)". С тех пор прошло три года. Мы вошли вплотную в полосу социалистического строительства. Мы расширяем демократию для крестьян. А в партии? В партии мы поступаем наоборот»⁹⁰.

На XV съезде ВКП(б) 1927 г., используя то ли мифическое, то ли реальное создание Объединенной оппозицией собственного (фракционного) Центрального комитета⁹¹, Устав сумели «развернуть» в свою сторону сторонники большинства ЦК, сделав упор на зафиксированных в нем не правах, а обязанностях членов партии⁹². Председатель Центральной контрольной комиссии Г. К. Орджоникидзе заявил под бурные аплодисменты делегатов из сталинско-бухаринского большинства ЦК: «Я не знаю такого Устава в нашей партии, где бы говорилось о допустимости проповеди меньшевизма внутри большевистской партии. Такого Устава нет в нашей партии, и такого Устава у нее никогда не будет»⁹³.

Однако новая трактовка соотношения партийных прав и обязанностей не была главным уставным «новшеством» XV съезда ВКП(б). Важнейшие изменения в Уставе утвердили в самом конце работы верховного органа партии, т. е. тогда, когда на заседаниях любых организаций и по сей день обсуждаются «разные вопросы (разное)». Все уставные изменения свели в резолюцию «По отдельным организационным вопросам», и эти «отдельные... вопросы» не стали бы новостью, если бы не важнейшее уставное изменение: о периодичности созыва всесоюзного партийного съезда. Сталинско-бухаринское руководство сделало все, что могло, для того чтобы максимально отодвинуть срок созыва XV съезда и не позволить Объединенной оппозиции доказать свою правоту в китайском вопросе и проблеме с Англо-русским комитетом (срок фактического созыва съезда превысил установленный Уставом партии вдвое). Во избежание рецидива и отвлечения от повседневного социалистического строительства на длительные дискуссии руководящее ядро ВКП(б) легализовало на партийном форуме менее частый созыв верховного органа партии — в первом пункте резолюции по «Отдельным организационным вопросам».

Данное, на первый взгляд незначительное, изменение (оформление сложившегося порядка) — индикатор окончательного удушения эфемерной «внутрипартийной демократии», освобождения нового руководства партии от каких-либо связанных с соблюдением Устава обязательств перед оппозиционными вождями и представителями второго и третьего эшелона большевистской верхушки. Между XIII и XIV съездами партии прошло, вопреки Уставу, полтора года, между XIV и XV — два года. Между XV и XVI съездами прошло два с половиной года — при измененном пункте Устава, дозволившем созывать съезды «не реже одного раза в два года»⁹⁴. За два с половиной года с декабря 1927 г. произошла одна небольшая «формальность»: разгром Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) и его ближайшим окружением правой оппозиции — не на съезде, а в период между

двумя съездами. Дальше — эпоха «культы личности», которая характеризовалась в том числе полнейшим пренебрежением к Уставу.

Устав (Манифест, Организационный устав) в РСДРП — самостоятельной большевистской партии — был «альфой и омегой». Его судьба в полном объеме отражает историю борьбы авторитарного и демократического начал в истории партии; борьба эта закончилась во второй половине 1920-х гг. — начале 1930-х гг., в период укрепления единоличной власти И. В. Сталина. Итог, как это ни парадоксально, оказался запрограммирован изначально — утверждением Манифеста РСДРП 1898 г. «двойкой» цекистов.

¹ Минц И. И.: 1) Год 1918-й. М., 1982; 2) История Великого Октября. Т. 1–2. М., 1978; Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза / пер. с англ. 2-е изд., доп. Firenze, 1975; Трухан Г. А. Путь к тоталитаризму (1917–1929 гг.). М., 1994.

² Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923. М., 1995; Павлов Б. В. Коммунистическая партия в советской политической системе (1917–1925 гг.): в 2 ч. СПб., 2003.

³ Булдаков В. П.: 1) Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 (2-е изд. М., 2005); 2) Утопия, агрессия, власть. М., 2012; Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

⁴ См., напр.: Павлюченков С. А.: 1) Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996; 2) Орден меченосцев. М., 2008; Карр Э. Большевистская революция 1917–1923. Т. 1–2. М., 1990 [в оригинале труд Карра состоит из 14 томов, охватывающих период с 1923 по 1929 г., однако для изучения руководящего ядра «ленинской» партии представляется значимым именно тот фрагмент, который переведен на русский язык]; Рабинович А.: 1) Большевики приходят к власти / под общ. ред. Г. З. Иоффе. М., 1989; 2) Большевики у власти. М., 2007.

⁵ Литвин А. Л. Фейга Хаимовна Каплан // Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина. Казань, 1995. С. 25–28; Тополянский В. Д.: 1) Загадочная испанка // Континент. 2002. № 112. С. 284–315; 2) Лунная рапсодия // Тополянский В. Д. Вожди в законе: очерки физиологии власти. М., 1996. С. 88–171; Фельштинский Ю. Г.: 1) Крушение мировой революции: Брестский мир. Очерк 1-й: окт. 1917 — нояб. 1918. М., 1992; 2) Вожди в законе. М., 2008.

⁶ Киселев А. Ф. Профсоюзы и Советское государство: (дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991; Носач В. И.: 1) Профсоюзы России: драматические уроки. 1917–1921 гг. СПб., 2001; 2) Профессиональные союзы России (1905–1930). СПб., 2001.

⁷ Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина. М., 2003; Олех Г. Л. Поворот, которого не было. Новосибирск, 1992; Цагунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000.

⁸ Достаточно полный историографический обзор см.: Исмагилов А. Г. Организационное укрепление партии и принятие нового Устава РКП(б) (1919 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 3, 4; Обичкин О. Г. Разработка В. И. Лениным организационных принципов пролетарской партии нового типа и воплощение в Уставе КПСС: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974. С. 28–28. — Уставу были посвящены многочисленные историко-политологические сочинения, которые, правда, были традиционно обозначены как «научно-популярные». Одно из последних см.: Ажулик А. К. За чеканной строкой Устава. Минск, 1989. С. 192.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 2. Д. 38. Л. 95.

¹⁰ Первый съезд РСДРП. Март 1898 года: документы и материалы. М., 1958. С. 305.

¹¹ Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 44.

¹² Обичкин О. Г.: 1) Уставы местных организаций РСДРП. 1894–1917 годы. М., 1976; 2) Краткий очерк истории Устава КПСС. М., 1986.

- ¹³ *Обишкин О. Г.* Краткий очерк истории Устава КПСС. С. 5. — Продолжение соответствовало: «С начала организованного революционного движения в России существовала традиция составления уставов отдельных кружков и групп, а после I съезда РСДРП (март 1898 г.) — ее местных комитетов» (Там же. С. 9).
- ¹⁴ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: стенограф. отчет. М., 1963. С. 265.
- ¹⁵ Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г.: протоколы. М., 1959. С. 47.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 39. Л. 96.
- ¹⁷ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г.: протоколы. М., 1959. С. 478.
- ¹⁸ Там же. С. 272.
- ¹⁹ *Обишкин О. Г.* Разработка В. И. Лениным организационных принципов... С. 60.
- ²⁰ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. С. 275 (цитируется Л. Д. Троцкий). — И. В. Сталин впоследствии писал, что «своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию» (Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история / сост.: М. В. Зеленев, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М., 2014. С. 67).
- ²¹ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. С. 479.
- ²² Там же. С. 270.
- ²³ Там же. С. 265.
- ²⁴ Там же. С. 268.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 275.
- ²⁷ Там же. С. 277.
- ²⁸ *Невский В. И.* История РКП(б): краткий очерк. СПб., 2009. С. 267–268.
- ²⁹ Там же. С. 268.
- ³⁰ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. С. XV.
- ³¹ Там же. С. XV.
- ³² Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г. С. 460.
- ³³ Там же. С. 271, 272.
- ³⁴ Там же. С. 272.
- ³⁵ Там же. С. XII.
- ³⁶ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель — май) 1906 г.: протоколы. М., 1963. С. XV.
- ³⁷ См., напр.: *Слепов Л. А.* Устав КПСС — воплощение ленинских норм партийной жизни. М., 1959. С. 12.
- ³⁸ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. С. 461.
- ³⁹ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 г.: протоколы. М., 1963. С. 557.
- ⁴⁰ Там же. С. 361.
- ⁴¹ См., напр.: Пятнадцатый съезд ВКП(б): стенограф. отчет. М., 1961. С. 76.
- ⁴² Девятый съезд РКП(б): протоколы. М., 1960. С. 85. — Тогда, в 1920 г., ленинское заявление вызывало насмешки оппозиционной группы демократического централизма (децистов), однако уже в 1925 г. «ленинский демократический централизм» (выражение М. П. Томского) стал абсолютной нормой жизни партии; см.: XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: стенограф. отчет. М.; Л., 1926. С. 289.
- ⁴³ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: стенограф. отчет. С. 776.
- ⁴⁴ Пятнадцатый съезд ВКП(б): стенограф. отчет. С. 281.
- ⁴⁵ Там же. С. 76.
- ⁴⁶ Там же. С. XIV.
- ⁴⁷ *Кириллов В. С., Свердлов А. Я.* Григорий Константинович Орджоникидзе. М., 1986. С. 284.
- ⁴⁸ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенограф. отчет. М., 1934. С. 679, 680.
- ⁴⁹ Цит. по: *Кириллов В. С., Свердлов А. Я.* Григорий Константинович Орджоникидзе. С. 50.
- ⁵⁰ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 г. С. 511.

⁵¹ Цит. по: *Кириллов В. С., Свердлов А. Я.* Григорий Константинович Орджоникидзе. С. 50.

⁵² Там же. С. 51.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Цит. по: Там же. С. 53.

⁵⁵ Конференция РСДРП 1912 г.: документы и материалы. М., 2008. С. 457.

⁵⁶ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 21.

⁵⁷ Конференция РСДРП 1912 г.: документы и материалы. С. 986. — Формально (фактически — редко) ЦК партии стоял выше конференции, тем более что истоки такого положения можно усмотреть в истории партии до ее II съезда. Манифест РСДРП, заменявший после I съезда Устав, в конце концов тоже был утвержден не съездом, а «ЦК». В большевистской партии положение со временем изменилось, во всяком случае в 1923–1924 гг. конференция подтверждала решения ЦК.

⁵⁸ См. подробнее: *Обичкин О. Г.*: 1) Уставы местных организаций РСДРП. 1894–1917 годы. С. 112; 2) Краткий очерк истории Устава КПСС. С. 46.

⁵⁹ Так, например, изменение в Устав было внесено XV съездом ВКП(б) 1927 г. после утверждения предложения об упразднении Секретариата Центральной контрольной комиссии. См. подробнее: Пятнадцатый съезд ВКП(б): стенограф. отчет. С. 1412).

⁶⁰ В условиях легализации партии конференция, не взяв на себя утверждение нового партийного Устава, «единогласно» отменила принцип кооптации (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г.: протоколы. М., 1958. С. 369 (коммент.)).

⁶¹ *Обичкин О. Г.* Краткий очерк истории Устава КПСС. С. 47.

⁶² См. подробнее: Там же. С. 47–49.

⁶³ *Обичкин О. Г.* Уставы местных организаций РСДРП. 1894–1917 годы. С. 128.

⁶⁴ Так, специальной комиссии, сформированной на Апрельской конференции РСДРП(б) 1917 г., поручили «выработку проекта программы для представления его съезду ЦК. Такое же решение принято и о партийном Уставе (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)... С. 367 (коммент.)).

⁶⁵ 14 июня 1919 г. на заседании в составе А. Г. Белобородова, Л. П. Серебрякова, Н. Н. Крестинского, Е. Д. Стасовой, И. Т. Смилги и Ф. Э. Дзержинского с совещательными головами К. Т. Новгородцевой и В. Н. Максимовского, а также присутствовавших С. С. Пестковского, Б. З. Шумяцкого и В. Л. Лукашева принято решение о переработке Устава РКП(б), для чего создавалась комиссия в составе А. Г. Белобородова, Е. Д. Стасовой, В. Н. Максимовского с правом привлечения других работников. Комиссии поручалось разработать проект Устава «в кратчайший срок» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 80).

⁶⁶ *Войтиков С. С.*: 1) «Председатель ЦК»: Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918 — начала 1919 года // *Российская история*. 2014. № 1. С. 24–43; 2) И. В. Сталин против Я. М. Свердлова // *Новейшая история России*. 2015. № 3. С. 30–45; 3) «Послал туда... Шляпникова». Начальный этап деятельности И. В. Сталина на Юге России. 1918 год // *Военно-исторический архив*. 2016. № 4. С. 100–116.

⁶⁷ Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. С. 265 (цитируется П. А. Красиков).

⁶⁸ Там же. С. 279.

⁶⁹ Там же. С. 327.

⁷⁰ Имели место отдельные случаи, когда конкретные пункты резолюций съездов и конференций противоречили букве (не духу!) Устава. См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г. М., 1936. С. 577. — Это было нормально, поскольку и самые Уставы утверждались съездами и конференциями.

⁷¹ Там же. С. 449.

⁷² Там же. С. 449–450 (цитируется Я. Шумяцкий).

⁷³ Там же. С. 450.

⁷⁴ Там же. С. 388. — При этом вожди навязали съезду изменения Устава, направленные на ограничение приема в партию — во избежание ее перерождения (Там же. С. 577, 578), правда, тут они могли сослаться на рекомендацию Декабрьской конференции РКП(б) 1921 г.: «Кон-

ференция также высказывает пожелание о необходимости изменения XI партийным съездом Устава в части, касающейся условий приема новых членов партии» (Там же. С. 586).

⁷⁵ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: стенограф. отчет. С. 248.

⁷⁶ См., напр.: *Троцкий Л. Д.* Новый курс // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. М., 2004. С. 299.

⁷⁷ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г. С. 577.

⁷⁸ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. С. 877.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 72. Л. 34.

⁸⁰ Там же. Л. 36.

⁸¹ Там же. Л. 34.

⁸² Там же. Л. 37.

⁸³ Там же. Л. 36.

⁸⁴ Там же. Л. 34.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Л. 34–35.

⁸⁷ Там же. Л. 35.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Знак вопроса Г. Е. Зиновьева.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 72. Л. 35–36. — В последнем заявлении — смысл и кампаний по оживлению деятельности Советов, и «Сталинской» Конституции СССР 1936 г., а по большому счету — взаимодействия партийных органов с государственным аппаратом. Можно было сколько угодно расширять «демократические» права и свободы советских граждан, поскольку за фасадом генсековской «либерализации» скрывалось творческое развитие Сталиным и его «товарищами по ЦК» централизации как одного из системообразующих для ленинской «партии нового типа» факторов. По линии государственных органов, которые ничего не решали, проводилась демократизация; по партийной линии, определявшей в Стране Советов всё, зажим с каждым витком классовой борьбы становился более плотным. Результат известен: «Жить стало легче, жить стало веселей», или, как расшифровывает наша интеллигенция: «Шея стала тоньше, но зато длинней».

⁹¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б): стенограф. отчет. С. XVII.

⁹² Там же. С. 196.

⁹³ Там же. С. 1392.

⁹⁴ Там же. С. 1470.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Войтиков С. С. «Святая святых»: из истории становления и эволюции Устава (Манифеста, Организационного устава) РСДРП/РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) (1898–1920-е годы) // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 63–80.
УДК 94(470)

Аннотация: В настоящей статье, подготовленной как на традиционной, опубликованной источниковой базе (материалах партийных съездов и конференций), так и на неопубликованных документах Российского государственного архива социально-политической истории, изучены основные направления эволюции партийного Устава (Манифеста РСДРП, Организационного Устава) в Российской социал-демократической (рабочей) партии, а затем и самостоятельной ленинской «партии нового типа» в 1898 — 1920-х гг. Устав, будучи формально вторым (после Программы) документом в партии, в действительности являлся альфой и омегой жизни и деятельности РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б). Эволюция партийных норм в годы Гражданской войны и далее на протяжении 1920-х гг. была связана с удушением очень условной изначально «внутрипартийной демократии». Без изучения истории создания и эволюции Устава невозможно постижение истории ленинской «партии нового типа» и внутрипартийной борьбы вначале в рамках единой РСДРП, затем в рамках собственно большевистской партии — вплоть

до эпохи «культа личности» Сталина. Не случайно член Политбюро ЦК РКП(б) Г. Е. Зиновьев констатировал в 1924 г., что «большевики привыкли исходить прежде всего из партийной организации». В свете эволюции уставных норм по-новому раскрывается история «единства партии». Те факты, что с дебатов вокруг первой редакции Устава на II съезде РСДРП 1903 г. началась история большевистской фракции, а с вопиющего нарушения Устава Пражской конференцией РСДРП 1912 г. — история большевистской партии, наводят на мысль: ген раскола был заложен в тело «ленинской» партии изначально.

Ключевые слова: история партии большевиков, В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин.

Сведения об авторе: Войтиков С. С. — кандидат исторических наук, главный специалист Центра публикации архивного фонда Центрального государственного архива города Москвы (Москва, Россия); svoyt@mail.ru

FOR CITATION

Voytikov S. S. "The Holy of Holies": Formation and Evolution of the Party Statute (1898–1920s), *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 63–80.

Abstract: In this research paper, based on traditional published source (materials of party congresses and conferences) and on unpublished documents of the Russian State Archive of Social-Political History, examined the main directions of the evolution of the Party Statute (Manifesto of the RSDRP, the Organizational Statute) in the Russian Social-Democratic (labor) party, and then Lenin's "party of a new type" in the 1898 — 1920s. The Statute, being formally second (after the Program) party document, in fact was "alpha and omega" of RSDRP and then Lenin's "party of a new type" life and activity. The evolution of party rules during the Civil War and then during the 1920s was the result of strangulation is very conditional originally "inner-party democracy". Without studying the history and evolution of the Statute is impossible to study the history of the Lenin's "party of a new type" and the inner-party struggle in RSDRP, then within their own Bolshevik party — until the era of Stalin's "personality cult". The member of the Politburo of the RCP(b)'s Central Committee, G. E. Zinoviev not by chance stated in 1924 that "the Bolsheviks used to come primarily from the party organization". In the light of the evolution of the statutory standards for new light on the story of "party unity": the facts that a debate about the first version of the Statute at the II Congress of the RSDRP in 1903 began the history of the Bolshevik fraction, and with crimes against the Charter in the Prague conference in 1912 — the history of the Bolshevik party suggest the following idea: a split gene was incorporated into the body of Lenin's parties initially.

Keywords: Bolshevik Party, Central Committee, V. I. Lenin, G. E. Zinoviev, I. V. Stalin.

Author: Voytikov S. S. — Candidate of History, Senior Specialist, Moscow Central State Archive (Moscow, Russia); svoyt@mail.ru

References:

- XIV siezd Vsesojuznoy kommunisticheskoy partii(b). 18–31 dekabrja 1925 g.: stenograf. otchet* (Moscow, Leningrad, 1926)
- XVII siezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii(b): stenograf. otchet* (Moscow, 1934).
- Akulik A. K. *Za chekannoy strokoy Ustava* (Minsk, 1989).
- Buldakov V. P. *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* (Moscow, 2005).
- Buldakov V. P. *Utopiya, agressiya, vlast* (Moscow, 2012).
- Buldakov V. P., Leontieva T. G. *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu* (Moscow, 2015).
- Carr E. *Bolshevistskaya revolyutsiya 1917–1923*, Vol. 1–2 (Moscow, 1990).
- Chetvertiy (Obiedinitelnyy) siezd RSDRP. Aprel (aprel — may) 1906 goda. Protokoly* (Moscow, 1963).
- Devyatyy siezd RKP(b). Protokoly* (Moscow, 1960).
- Fel'shtinskiy Yu. G. *Krushenie mirovoy revolyutsii: Brestskiy mir. Ocherk 1-i: Okt. 1917 — noyab. 1918* (Moscow, 1992).
- Fel'shtinskiy Yu. G. *Vozhdi v zakone* (Moscow, 2008).
- Gimpelson E. G. *Formirovanie sovetskoy politicheskoy sistemy: 1917–1923* (Moscow, 1995).
- Ismagilov A. G. *Organizatsionnoe ukreplenie partii i prinyatie novogo Ustava RKP(b) (1919 g.)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1965).

- Kirillov V. S., Sverdlov A. Ya. *Grigoriy Konstantinovich Ordzhonikidze* (Moscow, 1986).
- Kiselev A. F. *Profsoyuzy i Sovetskoe gosudarstvo: (Diskussii 1917–1920 gg.)* (Moscow, 1991).
- Konferentsii RSDRP 1912 goda: dokumenty i materialy (Moscow, 2008).
- Litvin A. L. 'Feyga Khaimovna Kaplan', *Fanni Kaplan, ili kto strelyal v Lenina* (Kazan, 1995).
- Mints I. I. *God 1918* (Moscow, 1982).
- Mints I. I. *Istoriya Velikogo Oktyabrya*, Vol. 1–2 (Moscow, 1978).
- Nazarov O. G. *Stalin i borba za liderstvo v bolshevistskoy partii v usloviyakh NEPa* (Moscow, 2000).
- Nevskiy V. I. *Istoriya RKP(b): kratkiy ocherk* (St. Petersburg, 2009).
- Nosach V. I. *Professionalnye soyuzy Rossii (1905–1930)* (St. Petersburg, 2001).
- Nosach V. I. *Profsoyuzy Rossii: dramaticheskie uroki. 1917–1921 gg.* (St. Petersburg, 2001).
- Obichkin O. G. *Kratkiy ocherk istorii Ustava KPSS* (Moscow, 1986).
- Obichkin O. G. *Razrabotka V. I. Leninym organizatsionnykh printsipov proletarskoy partii novogo tipa i voploshchenie v Ustave KPSS* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 1974).
- Obichkin O. G. *Ustav mestnykh organizatsiy RSDRP. 1894–1917 gody* (Moscow, 1976).
- Odinnadtsatyy siezd RKP(b). Mart — april 1922 g.* (Moscow, 1936).
- Olekh G. L. *Povorot, kotorogo ne bylo* (Novosibirsk, 1992).
- Pavlov B. V. *Kommunisticheskaya partiya v sovetskoy politicheskoy sisteme (1917–1925 gg.)*, 2 parts (St. Petersburg, 2003).
- Pavlyuchenkov S. A. *Krestyanskiy Brest, ili predystoriya bolshevistskogo NEPa* (Moscow, 1996).
- Pavlyuchenkov S. A. *Orden mechenostsev* (Moscow, 2008).
- Perviy siezd RSDRP. Mart 1898 goda: dokumenty i materialy (Moscow, 1958).
- Pyatnadtsatyy siezd VKP(b): stenograf. otchet* (Moscow, 1961).
- Pyatiy (Londonskiy) siezd RSDRP. April — may 1907 goda: protokoly* (Moscow, 1963).
- Rabinovich A. *Bolsheviki prikhodyat k vlasti* (Moscow, 1989).
- Rabinovich A. *Bolsheviki u vlasti* (Moscow, 2007).
- RKP(b): Vnutripartynaya borba v dvadtsatye gody* (Moscow, 2004).
- Sakharov V. A. "Politicheskoe zaveshchanie" Lenina (Moscow, 2003).
- Sedmaya (Aprelskaya) Vserossiyskaya konferentsiya RSDRP(bolshevikov). Petrogradskaya obshchegorodskaya konferentsiya RSDRP(bolshevikov). April 1917 goda: protokoly* (Moscow, 1958).
- Shapiro L. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz*a (Firenze, 1975).
- Shlyapnikov A. G. *Kanun semnadtsatogo goda. Semnadtsatyy god* (Moscow, 1992).
- Slepov L. A. *Ustav KPSS — voploshchenie leninskikh norm partiynoy zhizni* (Moscow, 1959).
- Topolyanskiy V. D. *Vozhdi v zakone: ocherki fiziologii vlasti* (Moscow, 1996).
- Topolyanskiy V. D. 'Zagadochnaya ispanka', *Kontinent*, no. 112, 2002.
- Tretiy siezd RSDRP. April — may 1905 goda: protokoly* (Moscow, 1959).
- Trinadtsatyy siezd RKP(b). May 1924 goda: stenograf. otchet* (Moscow, 1963).
- Trukan G. A. *Put k totalitarizmu (1917–1929 gg.)* (Moscow, 1994).
- Tsakunov S. V. *V labirinte doktriny. Iz opyta razrabotki ekonomicheskogo kursa strany v 1920-e gody* (Moscow, 1994).
- Voslenskiy M. S. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz*a (Moscow, 1991).
- Voytikov S. S. "Poslal tuda... Shlyapnikova". Nachalniy etap deyatel'nosti I. V. Stalina na Yuge Rossii. 1918 god', *Voенно-istoricheskiy arkhiv*, no. 4, 2016.
- Voytikov S. S. "Predsedatel TsK": Ya. M. Sverdlov v politicheskoy borbe 1918 — nachala 1919 goda', *Rossiyskaya istoriya*, no. 1, 2014.
- Voytikov S. S. 'I. V. Stalin protiv Ya. M. Sverdlova', *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3, 2015.
- Vtoroy siezd RSDRP. Iyul — avgust 1903 g.: protokoly* (Moscow, 1959).